

А. С. Колесников*

ФИЛОСОФИЯ БЕРТРАНА РАССЕЛА — СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСЫ**

Статья раскрывает особенности знакомства с философским наследием Рассела в России, начиная с неоднозначных политизированных публикаций 40-х гг. XX в. и заканчивая взвешенными оценками старейшины современной английской идеалистической философии и его влиянием на мировую философию. С течением времени, в связи с переводами важных монографий английского философа, оценка его творчества менялась, намечается отход от неверного причисления мыслителя к неопозитивистам. Вместе с критикой неопозитивизма в монографиях и рецензиях на работы Рассела представляются его достижения в логике и математике, чувственно-опытном знании, как и своеобразные толкования им базовых понятий мировой философии, основных вопросов философии и науки, морали и религии. Неореалистическая и субъективно-идеалистическая основа его философии рассматривается через анализ монографий советских и российских исследователей.

Ключевые слова: Бертран Рассел, философия математики, логический атомизм, Витгенштейн, неореализм, история философии, мораль, теория познания.

A. S. Kolesnikov

BERTRAND RUSSELL'S PHILOSOPHY — CONTEMPORARY DISCOURSES

The article reveals the peculiarities of familiarity with Russell's philosophical heritage, beginning with the ambiguous politicized publications of the 1940s and ending with the weighted assessments of the elder of modern English idealistic philosophy and its influence on world philosophy. In the future, in connection with the translations of important monographs of the English philosopher, the assessment of his work changes, a departure from the

---

* Колесников Анатолий Сергеевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; kolesnikov1940@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00542 «Бертран Рассел в России: эволюция рецепций и современные дискурсы».

wrong attitude of the thinker to neopositivists. changes also. Together with the criticism of neopositivism in monographies and reviews of Russell's works, its achievements in the logic and mathematic, sensual-experienced knowledge, as well as original interpretation of base concepts of world philosophy by it, the basic issues of philosophy and a science, morality and religion are represented. The neo-realist and subjective-idealistic basis of his philosophy are considered through the analysis of monographies by Soviet and Russian researchers.

Keywords: Bertrand Russell, philosophy of mathematics, logic атомизм, Wittgenstein, neo-realism, history of philosophy, morals, theory of knowledge.

Если логика и философия математики Бертрана Рассела стали известны в России вначале XX в., то его философия достаточно долго пробивалась в Россию-СССР, а ее нарратив оказался более успешным и стал частью философского образования в нашей стране. Этому способствовали и издания А. Н. Уайтхеда [28], Г. О. Вейля [2], Ф. Хаусдорфа [33], Д. Гильберта и В. Аккермана [7], Шарля Серрюса [24], Д. Гильберта [8], А. Тарского [26], Г. Х. Харди [31].

Знакомство с философским наследием Рассела сопровождалось неоднозначными публикациями. Так, в 1948 г. теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б) «Большевик» публикует рецензию П. Трофимова и Е. Помогаевой [27] на «Историю западноевропейской философии» (1946) Рассела. Само начало рецензии, называвшейся «Фальсификация истории философии», говорит о многом:

Семидесятипятилетний лорд Бертран Рёссель — философ-идеалист, бывший в молодости трубачом позорнейшей англо-бурской войны, перед второй мировой войной — отъявленным мюнхенцем, а в период этой войны — лживым пацифистом, или, иначе говоря, скрытым фашистом, — ныне яростно пропагандирует черчиллевскую империалистическую идею всемирного правительства, «всемирных соединенных штатов» и призывает американских милитаристов забросать Советскую Россию атомными бомбами [27, с. 71].

Дальше следуют характеристики тоже явно нефилософского толка: «иступленно визжит сей чистопородный старец», «философствующий бандит», «мракобес», «прожженный идеалистический фальсификатор», «повторяет старый реакционный вздор» (махизма). Что касается информации о его философии, то заявлено хлестко: Рассел

возглавляет одно из самых реакционных направлений современного субъективного идеализма — неореализм, или логический позитивизм, который не означает ничего другого, как современную разновидность махизма.

С точки зрения этой философии подлинной реальность обладают не вещи и процессы материального мира, а продукты логического мышления и прежде всего понятия чистой математики. «Естественно утверждать, что... объекты мысли более реальны, чем объекты чувственного восприятия» [37, р. 55], «мышление и материя являются просто удобными способами группировки событий» [37, р. 861]. «Таким образом в идеалистических построениях Рассела нет ни грани науки, ни тени новизны. Но это не мешает Рёсселю объявлять свою галиматью венцом всего историко-философского развития». А рецензируемая «История западной философии» «имеет целью доказать “неопр-

вержимость” субъективно- идеалистического бреда её создателя, показать, что философия Рёсселя является вершиной всей истории философии» [27, с. 72]. «Историко-философская макулатура» Рассела не имеет ничего общего с наукой. Ее задача — «защитить и укрепить на материале извращенной им истории философии позиции современного реакционного идеализма, оклеветав при этом материализм». Во введении Рассел «как злейший враг и науки и научной философии», пытается примирить теологию и науку, навязывая читателю «реакционную идейку о бессилии разума решить основные философские проблемы, идейку о том, что теология стоит выше науки» [27, с. 73].

Всю историю философии Рассел сводит к истории противостояния между «дисциплинариями» (хранителями традиционных религиозных воззрений и принципов), и «либертариями», т. е. теми, кто способствует научному прогрессу. Крайне левые элементы, разрушающие общественный порядок, Расселом исключаются из этого процесса. «Либертариум», к которым относится и сам Рассел, стремятся к «гармоническому» примирению теологии и науки. В итоге стираются противоречия между ними под руководством философии логического позитивизма. Претензии подобной истории философии показать связь ее с политическими и общественными условиями несостоятельна, поскольку нет никаких изображений борьбы политических течений и социальных групп в обществе. Исторические эпохи, по Расселу, отличаются одна от другой прежде всего господствующими в них философскими, теологическими или научными системами. Так что этот «псевдоученый» даже не говорит о рабстве, крепостничестве и «шовинистически возвеличивает» англосаксов, которые якобы «спасли античную культуру и сохранили ее достижения на благо культурного развития остальных народов» [27, с. 73, 74].

Что касается самой истории философии, то по мнению рецензентов, она «все ложь и обман» и «несуветная чушь». Это касается истоков самой философской мысли в Греции, науки, которая родилась из потребности людей, а не из античной религии. Рассел «безудержно клеветает» на материализм и материалистов, Гераклита объявляет мистиком, не замечая его диалектики; материализм атомиста Демокрита, Эпикура замалчивается. «Извращению подвергает Рассел» материализм Ф. Бэкона, а Декарта объявляет основателем всей новой философии, не замечая его дуализма. Материалист Спиноза причисляется к идеалистам и мистикам, а его учение о субстанции объявляется «ненаучным». Как «заклятый враг материализма» лорд Рассел «блестящих представителей французского просвещения и материализма: Гольбаха, Дидро, Гельвеция и др., которые были врагами религии, идеализма и мракобесия, — исключает из истории философии как представителей левого лагеря, разрушителями порядка» [27, с. 75]. Та же участь постигает Толанда, Гартли, Пристли, Джордано Бруно.

«Третируя материализм и извращая их учения, Рассел одновременно всячески расхваливает всех представителей идеализма» [27, с. 76]. И даже здесь у Аристотеля «изымаются его материалистические и диалектические тенденции». «Особый восторг» вызывает у Рассела «мистика Платона», он «превозносит идеалистическую теорию познания Лейбница», «превозносит убогие идеалистические системы XIX–XX вв.»: «философию немецкого мистика

Шопенгауэра», «французского идеалиста Бергсона», «ярких врагов прогресса и науки» Джемса и Дьюи. Рассел с комплиментами обращается к английским лжесоциалистам Ласку, Колю, Бевину, Филлипсу и другим представителям правого лейборизма, но «слепой ненавистью ненавидит» марксизм-ленинизм, «бесстыдно клеветает на марксизм» и выступает «в роли прислужника американского денежного мешка» как «завязтый холуй империализма». И это не единичное «злостное искажение истории философии» в англо-американской реакционной философии. [27, с. 77, 78]. Таков вердикт рецензентов.

Можно себе представить, что любое объективное исследование философии Рассела было по сути героическим выступлением против огульной критики. Эти попытки начинаются с публикации работы Рассела «Человеческое познание. Его сферы и границы» в 1957 г. [22] с вступительной статьей Э. Кольмана. Книга была предназначена для научных библиотек, поскольку основная цель Рассела — борьба с материализмом, с материалистической теорией познания.

На 24 страницах Эрнст Кольман дал взвешенную оценку творчеству «старейшины современной английской идеалистической философии». Конечно, пафос обвинения лорда в борьбе против материализма не исчез, но он не стал доминирующим. Раскрывая сложный путь влияний на мировоззрение Рассела — от Платона и Гегеля, до Лейбница, Юма, Беркли, Канта и Конта, Шопенгауэра, Ницше и Маха, прагматистов и неореалистов, мыслитель создавал свою собственную школу, меняющую свои названия «в зависимости от различных аспектов» — логицизма, логического атомизма, логического эмпиризма, нейтрального монизма, логического позитивизма и эмпирического либерализма. [22, с. 6] Что касается «Человеческого познания», как итога эволюции гносеологических взглядов его автора, то эта работа отличается «изошренностью мысли», «вычурностью стиля», что присуще философу-идеалисту, «ибо противоречивость и софистичность мысли вытекают из невозможности до конца логически последовательно, доказательно изложить положения идеализма, давно отвергнутые историческим развитием человеческого знания» [22, с. 7].

Ну а далее — все как и было ранее заявлено: в сжатом виде излагается основная мысль труда Рассела — «Основа знания — вера», где «вера» означает не только теизм, но и «просвещенный» деизм. Все знание сомнительно, что и пытается привить читателю мыслитель, используя данные математики, физики, астрономии, физиологии и психологии. Пафос выступления направлен против «наивного реализма» и «эмпиризма», т. е. материализма, который опирается в достоверности познания на данные чувственного опыта. Происходит подмена, ибо говорят о метафизическом материализме, созерцательном материализме прошлого.

По Расселу, вне чувственно-опытного знания и логики должны лежать какие-то «минимальные принципы, необходимые для оправдания научных выводов». Задача книги — установить эти внеопытные и внелогические принципы познания. Он обращается к индивидуальному и социальному опыту, к роли чувственного и логического моментов познания, анализирует понятия науки и вероятность оценки достоверности научных знаний. Только после этого устанавливаются принципы, якобы предшествующие опыту, и заявляется, что познание — всего лишь «обманчивая иллюзия». «Мир науки», как и «обычный

мир», — конструкция отчасти научная, отчасти же донаучная [22, с. 42]. Мир конструируется человечеством. Происходит отождествление субъективного с индивидуально-чувственным, объективного — с «социальным опытом».

Рассел своеобразно излагает историю физики, астрономии, теории относительности, биологии, физиологии и психологии практически всегда демонстрируя субъективно-идеалистический подход, считает рецензент. Вторая часть книги отдана анализу языка, «наглядному определению», собственным именам, «эгоцентрическим словам», соотношению познания и веры, проблеме истины, отношению к понятиям «факт, вера, истина и познание». Факт связан с верой, истинность — свойство веры. Третья часть книги — вопросы о путях познания — рекомендует отказаться от восприятий и положиться на наши ощущения. Большой частью Рассел полагается на «выводы обыденного здравого смысла», «анимальные выводы», правда, в субъективной плоскости. В итоге, если мы полагаем, что знаем о сознании и о материи, чтобы выявить их различие, то это неверно, ибо невозможно установить отличие физического мира от мира сознания.

Кольман отмечает, что Рассел последовательно переходит от анализа научных понятий, минимальных словарей, к анализу логического понятия «структура», время, событие, точка, «физическая реальность», причинность и т. п. Есть и необходимые экскурсы в историю философии. Расселу не удалось устранить «неудобные» понятия типа «причинный закон», «субстанция», и он склоняется к «наивному реализму», который трудно опровергнуть. Отдельная часть книги посвящена исследованию понятия вероятности. Толкуя «познание» чисто субъективно, как личный опыт, Рассел без труда «доказывает» его ненадежность.

Единственно в чем не сомневается Рассел, — так это в «великом значении» своей философии, которая «представляет собой такой же шаг вперед в развитии науки, каким были открытия Галилея в области физики» [42, р. 4]. В теории познания этому соответствуют пять постулатов научного вывода, в достоверности которых он убежден, но доказать их не может, хотя и считает их «предпосылками теории познания» [22, с. 529], поскольку «все человеческое знание недостоверно, неточно и частично». Таков результат книги. Пересказывать ее не имеет смысла. Восприятие читателем широких и рискованных рассуждений философа не дает ему ожидаемого успеха.

В 1957 г. «Вопросы философии» публикуют статью психолога и философа С. Л. Рубинштейна [23, с. 121–126], в которой критикуется неореализм с разбором работ Рассела «Анализ духа» (*The Analysis of Mind*, 1921) и «Анализ материи» (*The Analysis of Matter*, 1924). Это две части одного решения проблемы, связанной с психологией традиции бихевиоризма (стремления свести психическое к физическому) и релятивистской физикой (материя превращается в логическую конструкцию). Обе тенденции примиряются, по Расселу, у Джемса и американских неореалистов, линию которых Рассел, по собственному признанию, продолжает [42, р. 5–6]. Основной постулат «Анализа духа», совпадающий с неореалистами и Джемсом, таков: физика и психология не различаются по материалу, из которого состоит предмет их изучения. Дух и материя являются логическими построениями [45, р. 307]. Правда, Рассел

считает, что область физики состоит только из логических построений, что психология включает также те данные, из которых строится и физическое, и духовное, ибо этими данными являются (как и у Маха) ощущения. Вывод закономерен: «...все данные физических наук — это психологические данные» [45, р. 299], так что все науки объединяются психологией (см.: [45, р. 305–307]).

С. Рубинштейн повторяет заявления об идеализме концепций Рассела, несостоятельности его претензий преодолеть противоположность материализма и идеализма [20, с. 122]. Однако он прослеживает путь, по которому философ идет к этим выводам, раскрывая архитектонику «Анализа духа». Начинается она с критики понятия сознания: отвержения интроспекции, анализа психических явлений (инстинктов, навыков, желаний и чувств, ощущений и образов, памяти и мышления, эмоций и воли), ради собственной концепции «духовного». Все психическое разделяется на поведение (желание, инстинкты, верования, состоящие из ощущений и образов) и ощущения. Так что сфера «духовного» состоит из ощущений, образов и отношений между ними. Ощущения — «нейтральный» материал, из которого строится опыт — объект физики и психологии.

Ощущения Рассел превращает в нейтральные «частности», критикуя Brentano и Meinong, который в своем анализе мышления различает акт, содержание и объект. Рассел критикует прежде всего «акты» [45, р. 17], ибо в них, хотя и в виде призрака, субъект все же еще сохраняется [45, р. 18]. Brentano и Meinong мистифицируют проблему превращения сторон реальной познавательной деятельности субъекта в систему абстрактных сущностей, выделяемых в ней формально логическим анализом. Рассел пишет, что «появление содержания мысли и составляет появление мысли», отвергая не столько психический процесс как «акт», сколько самый психический процесс, реально порождающий мысль [23, с. 123]. Так проводится мысль, что частности, явления или события, из которых состоит внешний мир, совпадают с ощущениями, «опытом». Ликвидация «актов» содержания психики от субъекта призвана снять различие между мыслью, или сознанием, и объектом.

Эту попытку сведения объективного материального мира к психологическим данным, растворения материи в нейтральных элементах, Рассел продолжает в «Анализе материи». В данном случае он отправляется от физики, а не от духа. Анализируя основные проблемы физики (учение об электронах и протонах, теорию квантов и теорию относительности, теории пространства и времени), Рассел на основе логико-математических теорий стремится доказать, что в физике мы можем узнать нечто определенное лишь о формальной, математической структуре мира, но ничего о внутренних его свойствах. При этом он прямо заявляет, что стоит на позициях агностицизма, скептицизма, феноменализма [44, р. 210, 271, 388]. Сама материя, выражаемая в терминах, в которых физика формулирует свои законы, для Рассела — логическая конструкция, описывающая лишь формальную структуру мира, определяемую математическими уравнениями. Вопрос о «материале», из которого состоит мир, выносится за пределы физики — он вне ее компетенции. Рассел признает, что в отношении состава мира его «нейтральный монизм» склоняется к идеализму [44, р. 388].

Чтобы не выглядеть идеалистом, Рассел переходит на позиции вульгарного механицизма, который он выдает за проявление своего «материализма». Подтверждения те же: законы психологии, как и всех наук, должны быть сведены к законам физики. Так, социально значимая часть мыслей Шекспира или Баха находится в однозначном отношении к некоторым чисто физическим явлениям, а именно к появлению черных значков на белой бумаге. Не стоит сомневаться, что причина чувств, которую мы испытываем, когда читаем Шекспира или слушаем Баха, чисто физическая: нам не уйти от универсальности физической причинности [44, р. 302–303]. Закономерности сферы духовного тоже можно свести к законам физики, к физиологическим закономерностям функционирования мозга. Исходной точкой для этой редукции служит «причинная теория восприятия» [44, р. 197–217].

В итоге Рассел вначале делит восприятие на два компонента: восприятие как образование (*percept*) отождествляется им с воспринимаемым физическим явлением; восприятие как процесс (*perception*) редуцируется на основе причинной теории восприятия к нервным процессам «в мозгу». Процесс восприятия совершается у меня в голове, но сам-то мой мозг, моя голова состоят только из моих «перцептов», из содержания моих восприятий. Анализ философской позиции Рассела, проведенный С. Л. Рубинштейном, «не оставляет никаких сомнений как в тесной связи между бихевиоризмом и неореализмом, так и в том, что неореализм является лишь замаскированной разновидностью идеализма» [23, с. 125].

В 1957 г. Институт философии АН СССР публикует «Современный субъективный идеализм. Критические очерки» [25]. После XX съезда КПСС (1956) возникла линия на мирное сосуществование и экономическое соревнование с капитализмом, но с постоянным разоблачением реакционности буржуазной идеологии [25, с. 3]. Поскольку объективный идеализм уже не играет главенствующей роли в современной буржуазной философии, то многие современные буржуазные философы предпочитают выступать под знаком субъективного идеализма [25, с. 5]. Для него характерен эклектизм, стремление обречь народные массы на пассивность [25, с. 6]. Они выдают себя за противников «метафизики», философии, которая рассматривает вопрос о природе реальности, независимой от ощущений и восприятий человека [25, с. 7]. Все философские теории — прагматизм, логический позитивизм и близкие к ним неореализм, фенонологизм, экзистенциализм и т. п. — воюют против материализма и диалектического материализма [25, с. 8]. Неопозитивисты в идеалистических целях обрабатывают на свой лад данные современной математики, логики и языкознания, физики и психологии [25, с. 15]. Ссылаясь на Рассела, авторы предисловия пишут, что он выдвигает основное понятие «нейтрального события» в качестве основы мира [25, с. 20].

Почти 80 страниц отведено написанной И. С. Нарским «Философской сущности неопозитивизма». «Извращение» неопозитивизмом вопросов логики раскрыл Д. П. Горский [25, с. 219–286], семантической философии посвятил свою часть книги Г. А. Брутян, связи с физикой позитивизма — Т. Н. Горнштейн [25, с. 339–423].

Философский ракурс неопозитивизма, представленный И. С. Нарским, стал неким клише на долгие годы: постоянно повторяющиеся фразы об идеологии

и политике империализма, борьбе против философии материализма, стремлении неопозитивизма окружить себя ореолом «научности» [25, с. 140–141]. В работе названы источники и этапы развития неопозитивизма: агностицизм Юма и Канта, субъективный идеализм Беркли, затем О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер, Э. Мах с его «нейтральным началом», Авенариус, критика Лениным махизма и неопозитивизм Шлика, Карнапа, Нейрата с «Венским кружком» и влиянием Л. Витгенштейна на его позиции. Значительную роль в формировании неопозитивизма сыграл Бертран Рассел [25, с. 143]. После логико-математических экскурсов и краткого описания «Трактата» Витгенштейна с его заявлением, что «философия есть не учение, а деятельность» [25, с. 154] и логическое выяснение мыслей, рассматривается проблема реальности в неопозитивизме. «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (Витгенштейн). Карнап призывает считать факты как чисто языковые (логические) явления.

Рассел также рассматривает мир «как результат логических конструкций» [25, с. 160]. Элементы их меняются (точки пространства и времени, «события», — это те же «факты», только «иначе названные»). Ученые, согласно неопозитивистам, конструируют действительность. «Наука составляется из предложений, являющихся результатом логических преобразований, совершаемых над «атомарными предложениями». [24, с. 161] Атомарные предложения и их эквиваленты у неопозитивистов «суть простые предложения в логике». Между атомарными фактами и предложениями «нет никакого принципиального отличия в рамках науки» [25, с. 161] Если у Рассела термины и предложения — логические конструкции из чувственных данных, то Карнап предлагал употребление терминов, «для которых могут быть сконструированы логически возможные соответствующие чувственные данные» [25, с. 165].

Нарский замечает, что в сближении объемов «мира логики» и мира чувственного опыта как и в расширении первого мира по отношению ко второму имеется некоторый рациональный смысл. В нем отражается факт познаваемости реальности при помощи логических средств, а их расхождение — «отсутствии непосредственного чувственного эквивалента для многих научных абстракций, как и отсутствие непосредственного абстрактного эквивалента для содержания наших ощущений» [25, с. 165]. В этом случае неопозитивисты представляют действительность как конструкцию субъекта из своих средств, что не отражает объективных связей, по содержанию и объему несравненно более богатых, чем любое логическое их отражение в голове субъекта.

Нарский ссылается на Крафта, Шлика, Франка, последователей «Венского кружка», Рейхенбаха, Айера, которые отрицают отражение объективной действительности в форме мысли. И дело не в том, что «мышление понимается как субъективный (происходящий в субъекте) процесс, а в том, что отрицается объективный характер содержания мыслительных процессов» [25, с. 169]. Карнап в работе «Логическая конструкция мира» (1927) искал реальную первооснову мира и науки в «лично-психических переживаниях», из которых посредством математико-лингвистической обработки, путем подведения под формальное единство пытался дедуктивно построить умозрительную конструкцию физических и духовных процессов: «...все физические предметы сводимы к психическим» [35, S. 78]. Упоминает Нарский и работу Айера, в ко-

торой объективная первооснова мира подменяется субъективной, хотя и Айер, и Рейхенбах выступали с заявлениями о том, что «возможно» существование вещей вне нас. Вывод в духе того времени: «Но эти заявления не были доведены до признания правильности позиции философского материализма» [25, с. 175].

Проблема солипсизма представляется принятой Витгенштейном, который «был признан одним из основателей неопозитивизма» [25, с. 178], что согласуется с оценкой солипсизма Лениным. Большое внимание уделяется теории познания неопозитивистов, в частности «теоретико-познавательной нейтральности». Неопозитивисты, по словам Нарского, утверждают, что не существует устойчивого «абсолютного познания вне логических тавтологий», ибо чувственный опыт изменчив, да и сами логические тавтологии неустойчивы, поскольку зависят от логической системы, условно принятых аксиом и правил следования [25, с. 181]. В итоге неопозитивистски понятая наука «остается без истины». В учении об истине большую роль играет понятие структуры как совокупности «формальных связей и отношений равенства, подобия, последовательности, порядка и т. д.» В «структурах» — все содержание научного знания, что вытекает из логического формализма неопозитивистов [25, с. 183]. Эта концепция «структурности» знания объявляется механистической, агностической и субъективно-идеалистической [25, с. 187].

Уделяется в работе Нарского место и критике конвенционализма неопозитивизма, которая используется для «извращения категории причинности». Рассел почему-то здесь не фигурирует, хотя у него по этой теме высказываний достаточно, поскольку вера в причинную связь — это суеверие. Затем следуют обыденные для того времени заявления о борьбе неопозитивизма против диамата и истмата.

Статья Д. П. Горского «Извращение неопозитивизмом вопросов логики» [25, с. 219–286] с самого начала направлена против работы Б. Рассела в этой области. Автор называет необоснованным существующее в современной буржуазной философии мнение, что математическая логика как наука возникла благодаря работам Рассела. Ссылки, правда, у Горского нет, но он указывает, что такие мнения распространяются неопозитивистами. Перечисляются Фреге, Пеано, Бурали-Форти, Ришар, работы которых Рассел обобщил и уточнил. Единственное, что он открыл — парадоксы и у Фреге, и в теории множеств, и создал «свое логически непротиворечивое исчисление (“теорию типов”», но та оказалась порочной, ибо вела к «к отказу от ряда важных математических результатов» [25, с. 223]. Ссылка на Гёделя подкрепляет выводы логика Горского, что в этом виноват субъективизм Рассела. В принципе, автор мог бы сказать, что в 30-е гг. была доказана неосуществимость проекта создания формализованных систем типа “Principia Mathematica”.

Затем под огонь критики попадает метод «логического анализа», который якобы использовался для обоснования «реакционной метафизической системы» Рассела. Смысл «логического анализа» раскрывается начиная с “Principles of Mathematics” и “Principia Mathematica”, в которых Рассел, как и Платон, возможность достоверного знания связывал с универсалиями. Оно также связано с «усмотрением априорных отношений между универсалиями» [25, с. 230]. Далее идут ссылки на «Проблемы философии» (1912), ибо в них отношения

универсалий способствуют познанию «общих априорных положений как положений математики и логики» [43, р. 164–165]. Вообще «законы логики могут быть истолкованы лишь в чисто платоновско-гуссерлианском духе, а именно как идеальные сущности, каким-то образом существующие объективно и являющиеся условиями нашего опыта» [25, с. 231]. Это заявление связано с тем, что Рассел, «перейдя на позиции “чистого” эмпиризма, рассматривал законы логики как общие связи между данными непосредственного опыта. Непосредственный опыт и законы логики у него выступают как первично данное» [25, с. 231].

Эволюция взглядов Рассела на законы логики была связана с изменением взглядов его на общие понятия. В “Principia Mathematica” он рассматривает их в номиналистическом плане, как фикции, для обозначения единичных фактов. Окружающий мир выступает у него как конструкция, создаваемая нами в процессе логической обработки чувственных данных нашего опыта. Защищая номиналистические установки, Рассел отказывается от научных абстракций, что приводит «к подрыву объективного характера научного знания» [25, с. 232]. «Метод “логического анализа” является глубоко реакционным, тормозящим развитие научного знания именно потому, что он является методом субъективистских конструкций» [25, с. 233].

Несогласие в оценках с тем же Горским мы находим в статье логика А. Д. Гетмановой «О взглядах Бертрانا Рассела на соотношение математики и логики» [5]. Марксистские установки выдаются сразу:

В борьбе материализма с идеализмом, развернувшейся вокруг предмета математики, важнейшую роль играл вопрос об отношении математики к логике. Со времен Лейбница идеалистическая философия пыталась доказать, что математические истины являются по самому своему существу истинами общечеловеческого характера, не говорящими ничего о вещах или об отношениях вещей окружающего нас мира. Эти попытки Лейбница были возобновлены в наше время в философской школе логицизма, вождем которой являлся Б. Рассел [5, с. 104]

“Principia Mathematica” как один из истоков развития современной математической логики имеет и философские обобщения, используемые для доказательства возможности сведения математики к логике, что и относится к области идеалистических выводов.

История этого сведения начинается с Лейбница, затем свою лепту внес Г. Фреге в работе «Исчисление понятия» (1879). Но он свел только значительную часть арифметики к логике посредством математизации последней. Рассел в 1900 г. обнаружил противоречивость системы Фреге и в “Principia Mathematica” предпринял попытки исправления его системы с помощью «теории типов». Гетманова в русле марксизма описывает деяния Рассела на ниве логики:

Рассел стремился определить науку логику как никоим образом не связанную с действительным миром, в котором мы живем. Он поддерживает Лейбница, который считал логику наукой априорной, истины которой верны во всех возможных мирах [5, с. 105].

Математика, по этой логике, тоже априорна. Рассел отождествляет математику и логику. «Чистая математика — совокупность формальных выводов

независимых от какого бы то ни было содержания. Это практически идеалистический прием абсолютного отрыва формы от содержания», это «стремление видеть в математических истинах — истины разума, не связанные с чувственным восприятием мира» [5, с. 109]. Однако история опровергла идеалистические выводы Рассела. Теорема Гёделя показала, что сведение математики к логике закономерное, а не случайное решение:

...определение математических понятий в терминах «логики» только обнаруживает связи этих понятий с логикой, отнюдь не лишая их специфически математического характера...

Математика имеет свое особое, специфическое именно для неё содержание, свой собственный предмет — изучение пространственных форм и количественных отношений действительного мира [5, с. 122].

Важно отметить, что уже в реферативных журналах дается реальная оценка творчества Рассела. Так, в рецензии В. Малинина на «Мудрость Запада» [14] говорится, что эволюция политических взглядов сказалась на содержании книги, а сам мыслитель проявляет «больше трезвости в оценке тенденций современного общественного развития» [14, с. 39]. Смена политических взглядов не коснулась его философских воззрений, субъективно-идеалистических установок философии логического анализа. Философия занимает промежуточное положение между наукой и религией. Рассел европоцентрист в философии, и это им оправдывается типичной западной ссылкой на то, что «восточный и западный мир развивались изолированно друг от друга» [47, р. 310].

При этом из поля зрения философа почти совершенно выпадает общественная и научная мысль славянских стран, в особенности России. Сама история философии в изложении английского философа представляет прежде всего историю идеализма, которая ближе к взглядам самого Рассела. Материализм им игнорируется и представляется философией здравого смысла, а философы материалисты — неверно интерпретируются. Это касается Демокрита, Спинозы (он именуется пантеистом и основателем рационализма), Дидро (его взгляды называются родственными пантеизму Спинозы), Ламетри (лучшее объяснение материализма) [47, р. 200, 234]. Диалектический материализм Рассел считает соединением гегелевской диалектики и материалистических принципов Ламетри [47, р. 251] и вовсе упускает материалистические взгляды Бэкона и Гоббса.

Малинин пишет, что как ученый-логик Рассел дает оригинальное описание становления математического знания в Древней Греции, работ Кантора, Пеано, Фреге, Пирса, Уайтхеда и своих собственных. Правда, философ пытается структуру формализованного математического и логического знания перенести на весь реальный мир, переходя тем самым на позиции субъективного идеализма в форме логического атомизма. Также бегло он касается открытий Коперника, Галилея, Ньютона, Дарвина, Павлова (которого представляет как бихевиориста). И вообще философия и наука — это изобретение древних греков [47, р. 10], чью логическую и научную проблематику Рассел умело выделяет. Но больше всего внимания он уделяет Платону. Материалистические тенденции замалчиваются. Средневековая философия раскрывается через непоследовательную критику религии и ее реакционности.

В 1959 г. публикуется перевод работы Г. Френкела по философии Уайтхеда [30]. Она углубляет наше понимание философии Рассела, переход его от логики и математики к философии. Уайтхед был учителем Рассела, но его универсальная алгебра (1898) была направлена к универсальному исчислению, которое его ученик проделал с математикой в «Принципах математики» (1903). Поскольку они работали по идентичным вопросам, они объединили свои усилия и создали монументальное произведение — “Principia Mathematica”

Френкел подтвердил дуализм Рассела (близкий неореализму) в его «Проблемах философии», которая вышла одновременно с «Программой и первой платформой» неореалистов. Уайтхед разделял внешнюю реальность на «события» и «объекты». Рассел тоже утверждал, что реальность разделяется на несколько уровней: мир «существующих вещей» и то, что находится в основе «существования», — универсалии. Мир «неизменно строгий, точный», мир логики и математики. Каждый из миров имел равное право на наше внимание. [30, с. 93–95]. При этом Рассел говорил, что «чувственные данные» являются «самыми несомненными известными нам реальными объектами». В конце 20-х — начале 30-х гг. Рассел отказался от неореализма, а затем, считает Френкел, он отказался и от дуализма [39, р. 112] — от веры в реальность мира «вещей» и мира «универсалий». Ни тот, ни другой теперь нельзя было рассматривать как реальный. Единственные вещи, в которых можно быть уверенными, — это ощущения. В конце книги Френкел приходит к выводу, что вселенная состоит из «событий» [39, р. 287].

Важно заявление Френкела:

...если рассматривать философию Рассела с более положительной точки зрения, то Рассел, можно сказать, защищал здоровый рациональный скептицизм во время пропаганды мистики [30, с. 99].

Этот «здоровый рациональный скептицизм» стал проявляться и в оценках творчества Рассела в СССР. Связано было это с выступлениями Рассела за мир против войны. Массовый журнал «Огонек» в № 45 за 1959 г. (с. 8) публикует его заметку «В силах людей создавать хороший мир (о роли людей науки в борьбе за мир)». Рассел пишет:

Научное знание всегда оказывало огромное влияние на «нечистую» науку. Ученый не перестает быть гражданином; а общественный долг гражданина, обладающего каким-нибудь особым талантом, — следить по мере сил своих за использованием его таланта в интересах общества.

Беда в том, что наука «всегда близки и зловеще была связана с войной». Задача ученых — «уменьшить размеры зла», и, несмотря на зависимость от финансистов-капиталистов или от правительства, не заниматься военными вопросами, а «отстаивать ценность развития». Деньги стоит пустить на «увеличение мировых запасов продовольствия и их распределение, на уменьшение числа нуждающихся».

Популярный журнал «Новый мир» публикует рецензию Г. Герасимова «Две книги Б. Рассела» [6]. Речь идет о работах «Есть ли у человека будущее?» (1959) и «Здравый смысл и ядерная война» (1959). В них мыслитель высказывает

убежденность в том, что «человеку по силам создать мир сияющей красоты и необыкновенного великолепия». Рассел не дает социально-политического анализа проблемы войны и мира, а рассуждает о пагубной роли человеческих страстей (гордость, подозрительность, страх и честолюбие), которые якобы и составляют движущую пружину мировой политики. Он прогнозирует, что в борьбе за мир пришло время «гражданского неповиновения в широких масштабах».

Вскоре эта сторона деятельности английского философа стала обстоятельно исследоваться в отечественной публицистике. Книги И. И. Жигалова «Прогрессивные силы Великобритании в борьбе за разоружение и мир. 1956–1964» [10] и С. П. Перегудова «Антивоенное движение в Англии и лейбористская партия. 1957–1968» [17] представили всю палитру политических и социальных противоречий в этой сфере, как и деятельность Рассела. Его открытое письмо в «Нью Стэйтсмен» (23 ноября 1957) призывало правительства СССР и США избавить человечество от угрозы ядерной войны. В феврале 1958 г. Рассел возглавил Движение за ядерное разоружение, затрагивавшее также вопросы морального права, политики, экономики, выступавшее против НАТО. Затем выходит книга «Здравый смысл и ядерная война», в которой говорится об интересах человечества в безъядерном мире. 4 апреля 1958 г. представители прогрессивно настроенного населения двинулись в 80-километровый Олдермастонский поход. В январе 1959 г. в Лондоне состоялся Европейский конгресс за ядерное разоружение, среди организаторов которого были Б. Рассел, Джон Коллинз, Джон Пристли и др.

17 февраля 1960 г. в газете «Нью Стэйтсмен» Рассел призвал к гражданскому неповиновению, одновременно создав «Комитет 100». На следующий день началось неслыханное для Великобритании дело: гражданское неповиновение [10, с. 224]. Оно было приурочено ко дню прибытия в Англию первых американских ракет «Поларис». 18 февраля 1961 г. в Лондоне прошла «сидячая забастовка» пяти тысяч англичан у зданий министерства обороны, 17 сентября 1961 г. состоялась 15-тысячная сидячая демонстрация на Трафальгарской площади. Затем начали набирать силу Пагуошские конференции, инициатором которых были А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел. Важным событием в жизни участников английского антивоенного движения стало участие в работе Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир в Москве в июле 1962 г. В обстановке антикоммунистического психоза и угроз Рассел поддержал английскую делегацию из 11 национальных организаций (142 человека). Поскольку возраст (90 лет) и недуги не позволили ему покинуть родину, он направил конгрессу через секретаря «Комитета 100» С. Д. Фарли послание, записанное на магнитофонной пленке. В дальнейшем он создал «Фонд имени Бертрана Рассела» и «Атлантический фонд мира» для содействия укрепления мира.

Специфической особенностью английского движения в защиту мира является наличие в его составе самых различных по политическим взглядам организаций, пацифистов, социальных группировок и идеологических направлений, что и объясняет его противоречивость. Деятельность «Движения солидарности с народом Вьетнама» было максималистским, а потому многие

не поддержали его. В октябре 1965 г. Рассел, как и другие максимально настроенные лица, вышел из лейбористской партии. Можно констатировать, что в своей борьбе за мир мыслитель предпринял попытку осуществления синтеза теории, публицистики и общественно-политической деятельности. Свою оценку этого синтеза, как и историю становления пацифизма, гуманизма и борьбы за мир, он раскрывает в выступлении на Всемирной ассамблее Мира в Хельсинки в 1955 г., которое вместе с предисловием публикует в 1988 г. А. А. Яковлев [34].

Конечно, наше восприятие философии Бертрانا Рассела амбивалентно. С одной стороны, есть Рассел советско-марксистский, который трактуется как неомажист, позитивист и субъективный идеалист. С другой стороны, есть Рассел в интерпретации российских философов наших дней, знакомых с работами историков философии мирового уровня, которые больше оперируют терминами «основатель неореализма», «аналитической философии» и т. п. Несмотря на идеологическую ангажированность и ложность причисления Рассела к позитивистам, отечественные авторы в 1960–1990-х гг. позволили не только «открыть» его английского мыслителя для российского читателя, но и показать важные аспекты и противоречия в его многообразном творчестве.

Взгляды Рассела на Россию, а затем и СССР были нелицеприятными. Прежде всего это касалось политического устройства и большевизма, о чем свидетельствуют его книги. Работа «Власть: новый социальный анализ» (1938) как бы подвела итог его мировоззренческой эволюции в этой сфере через пацифизм, анархо-синдикализм, социализм и либерализм и раскрыла его грандиозные амбиции и смелые надежды. Столкнувшись с американскими ревнителями нравственности в 40-х гг. и вынужденный вернуться в Великобританию, Рассел занялся написанием «Истории западной философии» (1946), ставшей бестселлером, получившей неоднозначные оценки и повысившей известность английского философа во всем мире. Книга издается на русском языке в 1959 г. и с тех пор становится популярной в нашей стране. Дело в том, что работ по истории философии такого обобщающего характера в СССР не было (если не считать редкую даже у библиофилов трехтомную «Историю философии» (1940, 1941, 1943), вызвавшую неоднозначную реакцию на марксистское прочтение истории мысли).

Годом ранее выходит на русском языке с пометкой «Для научных библиотек» «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна [3] с обширным введением Бертрана Рассела и предисловием В. Асмуса (обстоятельную информацию можно получить в работе [13]). Эти работы и выступают двигателем интереса к концептуальным решениям Рассела. Конечно, первичным звеном все равно выступает логика. В. М. Асмус привязывает «Трактат» Витгенштейна к истории логики, которая все больше получает практическое применение. При этом «выделяясь из комплекса философских наук, логика не могла начисто отделиться от философии», когда «логические результаты выступали и выступают в ней в сращении с положениями теории познания». Это справедливо по отношению к таким областям логики, как семиотика и семантика. Пирс, Бертран Рассел, Карнап, Рейхенбах, Лукасевич «не только логики в своей философии, но и философы в своей логике» [3, с. 6]. Так характеризуется и работа Витген-

штейна, которая совмещает логику и философию. Но философия «Трактата» принадлежит теории познания буржуазной философии, это субъективный идеализм, а точнее — «гносеологический солипсизм», который «бесплоден и ложен». Асмус ссылается и на Рассела, который отметил философскую непоследовательность Витгенштейна. Так что философская доктрина Витгенштейна недостойна внимания советского читателя, а вот как «талантливое логическое исследование» «Трактат» принадлежит истории. Далее приводятся отсылки к Фреге и Расселу, Пирсу, Лукасевичу, доказывающих его правоту. Однако следует «отвергнуть как несостоятельные субъективно-идеалистические гносеологические построения автора» «Трактата» как «новую вариацию неомажистских теорий Венского кружка и близких к нему философов» [3, с. 10].

Диссонансом обличительному предисловию Асмуса выступает введение Рассела к работе Витгенштейна. Он отмечает широту и глубину исследуемых принципов символизма и отношения между словами и вещами в любом языке, которые применяет Витгенштейн к разным разделам традиционной философии [3, с. 11]. Он заявляет: чтобы понять книгу Витгенштейна, следует осознать проблему, которая его занимает. Это логически совершенный язык. С языком связано несколько проблем: выражения, что принадлежит психологии; отношений мысли, слов к тому, что они обозначают, что относится к эпистемологии; как употреблять предложения, чтобы выражать истину, что касается специальных наук; «в каком отношении один факт должен стоять к другому, чтобы он мог быть символом другого факта», что относится к логике. Витгенштейн рассматривает условия точного символизма. В этой сфере перед логикой стоят две проблемы: «условия, необходимые для того, чтобы комбинации символов содержали смысл, а не бессмыслицу», и «условия единственности значения... в символах или их комбинациях» [3, с. 12]. Иными словами, Витгенштейн «исследует условия, необходимые для логически совершенного языка». «Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не знаем логики нашего языка» [3, 4.003]. И далее — «философия не теория, а деятельность». Неточный язык приводит к философским ошибкам. Логический мир не имеет логических границ. [3, с. 21]. В итоге Рассел пишет, что как человек, «знакомый с трудностями логики и обманчивостью теорий, кажущихся неопровержимыми», он не уверен в правоте теории, при этом говорит о достоинстве теории логики, которой не стоит пренебрегать.

«Трактат» вызвал целый ряд оценок советских авторов. А. Ф. Грязнов отметил скрытые тенденции «антилогицизма», хотя ранний Витгенштейн был связан с логицизмом Фреге и Рассела. Витгенштейн разрабатывает два взаимосвязанных аспекта философии: построение «картины мира», направленной на мир, и выявление границ познания и мышления. Так появился афоризм: «Тот факт, что мир есть мой мир, проявляется в том, что границы языка (единственного языка, который понимаю я) означают границы моего мира» [3, 5.62]. Критика языка Витгенштейном в форме логических построений, как у Фреге, и логического атомизма, как у Рассела, породила неоднозначность восприятия. Англичане его приняли за великолепного критика умозрительной философии, в Австрии увидели восприятие чуждого им английского эмпиризма, ну а представители Венского кружка истолковали его в позитивистском духе.

Отдельные афоризмы «Трактата» поняли как реалистические, а Витгенштейна — как сторонника теории соответствия Мура, Рассела и Уайтхеда. Но эти позиции либо не были приняты, либо оказались подведены под привычную концепцию о Витгенштейне-позитивисте и идеалисте.

Первой обстоятельной работой советской работой стал «Современный позитивизм. Критические очерки» И. С. Нарского [16]. Оценки его были, прямо скажем, резкими, типа «современный позитивизм выражает характерные черты буржуазной философии эпохи империализма: прогрессирующий кризис и распад буржуазного сознания. Социальный пессимизм, неверие в существование объективной истины» и стремление к использованию выводов науки в духе узкого практицизма [16, с. 3]. Однако «философия... не должна надеяться найти ответ на практические проблемы жизни» [42, р. 49]. Нарский считает концепции лидеров неопозитивизма прямым развитием идей Венского кружка, и называет понятие «аналитической философии» «расплывчатым», включив в него таких авторов, как Карнап, Рассел, Айер, Тарский, Франк, Гемпель, Пап, Куайн, Гудмен, Райль и др.

Наконец он четко формулирует понимание неопозитивистами предмета философии как логического анализа языка, что и ведет к тесному сплетению философских и логических проблем, к стремлению неопозитивистов стереть границы между философским и логическим анализом. Отмечает, что Рассел «очень ограниченно применяет логику-символический аппарат как к логическому анализу и интерпретации философских проблем, так и к философскому исследованию самого логику-символического анализа», хотя и не избежал растворения философии в логике [16, с. 8]. Вместе с тем Рассел в «Анализе духа» (1921) назвал проводимое им конструирование духа и материи из ощущений «истинной метафизикой».

Нарский дает обстоятельную картину становления позитивизма и только после раскрывает особенности логического позитивизма, философии Рассела [16, с. 52]. Говоря о логике английского мыслителя, Нарский подчеркивает, что она не имеет никакого отношения к внешнему миру, поскольку «познание логических форм есть нечто совершенно отличное от познания существующих вещей» [43, р. 52]. Если в самом начале Рассел заявлял, что сущность философии есть логика, то в «Человеческом познании» [22, с. 29] он пишет, что «логика не является частью философии». Здесь, поясняет Пассмор [35, р. 219], речь идет о том, что логика как учение о построении дедуктивных систем есть специальная наука, как и математика. В данном случае речь идет о символической логике, употребляемой в иных, чем логический анализ языка, функциях. Утверждение Рассела «логика есть сущность философии» говорит о логическом анализе предложения и «фактов» наук, а также о построении самой логики. Задачей философии в этом значении Рассел считает чисто логическое исследование таких понятий, как «неопределенность», «число», «бесконечность», «время», «определение», «познание» и т. п.

В этом случае философия как логический анализ способна уточнять научные понятия, исследовать связи и отношения между категориями наук и процесса познания. Но неопозитивизм не пытается решать эти проблемы, а конструирует различные способы упорядочения терминологического аппа-

рата наук [16, с. 58]. При этом неопозитивисты выискивают все возможности зачисления того или иного мыслителя прошлого в число своих предшественников. Шлик начинает генеалогию неопозитивизма с Эпикура и Фейербаха, Франк — с Галилея и Гёте, Пап обнаружил зачатки семантического анализа у Аристотеля, Лейбница, Локка, Беркли и Юма. Рассел вообще всю историю философии представил как развитие идеи логического атомизма. Хотя еще в «Проблемах философии» (1912) он писал, что «философия должна вскрыть иерархию наших инстинктивных убеждений» [21, с. 18]. Однако британские аналитики (Мур, Рассел, Айер) считали причисление логического позитивизма к неопозитивизму «метафизической ошибкой». Нарский постоянно подчеркивает антиматериалистическую сущность неопозитивизма [16, с. 80], а лингвистическая многозначность понятий «метафизика», «язык», «факт», «философия» и подобных играет роль в рассуждениях неопозитивистов на публику, позволяя в удобных случаях именовать себя «друзьями науки» [16, с. 84]. Особенно, по словам Нарского, в этом преуспел Рассел — в классификации «фактов», как и в рассуждениях о «логических конструкциях» в «Исследовании значения и истины» (1940), которые отождествляются им с «фактами» [39, р. 135].

Рассел не отвергает нейтральный монизм, что и демонстрируется различием между «фактами» и «опытом» и понимается как различие между «слоями» «нейтрального» бытия, а бытие вещей отождествляется с восприятием чувственных данных в «Исследовании значения и истины». Здесь проявилось влияние Лейбница и его «принципа неразличаемого тождества». Феноменалистическая трактовка восприятий приводит его к признанию: «Относительно вопроса о материале, из которого сконструирован физический мир... имеет, вероятно, более родства с идеализмом, чем с материализмом» [45, р. 387]. Рассел охотно называл свою философию «логическим атомизмом», связывая это понятие с отрицанием единства воспринимаемых предметов, т. е. «событий». «Мы воспринимаем события, а не субстанции» [45, р. 284]. Иными словами, «материал познания» по Расселу состоит из обособленных множеств чувственных качеств. Нарский замечает, что опора Рассела на плюралистические воззрения Лейбница и Мура, не далеко ушли от Беркли и Маха [16, с. 197–198]. В «Анализе духа» [42, р. 201] и «Человеческом познании» он категорически отвергает откровенный онтологический солипсизм [16, с. 206–207] и «скептический» солипсизм, ставя под сомнение переход от чувственных данных субъекта к утверждению о наличии фактов за пределами опыта субъекта [21, с. 213].

Проблема истины, причинности, теория верификации, смысла и значения, проблема вероятности в работе исследуется на фоне всего неопозитивизма, в т. ч. и в творчестве Рассела. При этом Нарский подчеркивает верность Рассела традициям неореализма и «нежелание прибегнуть к материалистической теории» [16, с. 384–85]. Вывод делается в духе времени — «позитивизм потерпел поражение, но не окончательное, ибо он оживляется духом буржуазной идеологии и многочисленными гносеологическими трудностями современного естествознания» [16, с. 412].

В этом же году публикуется работа Ю. А. Асеева и И. С. Кона «Основные направления буржуазной философии и социологии XX века» Нас интересует

в ней только глава «Философия современного позитивизма» [1, с. 13–35]. Это такой скетч для студентов, поскольку учебников по этой дисциплине в то время не существовало. Ю. А. Асеев определяет три этапа неопозитивизма: «логический атомизм» Рассел и Витгенштейна, «логический позитивизм» «Венского кружка», семантический идеализм. Выделяется «основное ядро» философии неопозитивизма — «аналитическое понимание предмета философии» [1, с. 13]. Акцентируется, что неопозитивизм понимает под философией «аналитическую деятельность, ставящую своей целью прояснение смысла тех или иных предложений современной науки и повседневного опыта», со ссылками на Шлика и Витгенштейна [1, с. 14].

Асеев считает, что «логический анализ смысла научных положений — необходимый элемент познания», ибо одной из главных философских проблем современной физики является «проблема адекватного физического истолкования объективного смысла математических уравнений теоретической физики» [1, с. 15]. Но дело в том, что неопозитивизм противопоставляет свое понимание предмета философии т. н. традиционному пониманию, под которым подразумевается теория, утверждающая, что философия есть наука о наиболее общих закономерностях развития объективной действительности, система взглядов на мир в целом. Неопозитивизм же пытается доказать, что все традиционные проблемы — псевдопроблемы. Логический анализ предложений должен прояснить смысл предложений конкретных наук, выполнить конструктивную работу, но и разрушить «традиционную» философию как общую теорию объективной действительности и доказать, что она является «псевдонаукой». Иными словами, задача состоит в разрушении материалистической философии, что и подкрепляется ссылками на «Логику исследования» (1935) Поппера.

Следующая проблема — семантическая, которую неопозитивизм решает в духе субъективного идеализма. Под значением и смыслом слов и предложений неопозитивизм понимает не объективную действительность, а совокупность фактов личного опыта, совокупность ощущений (Шлик). Впервые такую постановку вопроса о значении слов и предложений наметил в «теории описаний» Б. Рассел. Он раскрыл взаимозаменяемость «описаний» и «имен», которая приводит к тому, что логические функции «имен» и «описаний» в нашей речи часто отождествляются. «Имя», не указывающее на объект, теряет логические качества «имени» чего-то. «Собственное имя будет бессмысленным, если не существует объекта, именем которого оно является» [21, с. 107]. Если в «описаниях» существует такая же связь слова и действительности, то мы столкнемся с рядом логических противоречий. Так, «описания» с «пустыми классами», т. е. не относящиеся к реальным предметам действительности («современный король Франции», «золотая гора» и т. д.), становятся бессмысленными при обозначении их существования. Рассел вводит критерий разграничения «имен» и «отношений»: только «имена предполагают существование объектов, ими обозначенных [46, р. 66].

При логическом анализе «описаний» с реальными объемами возникают некоторые парадоксы, убеждающие в том, что значением «описаний» вообще не бывают предметы или объекты окружающей нас реальности. Итак, в отличие от «имен» все «описания», по Расселу, не обладают прямым указательным

значением, не соотнесены прямо с действительностью [1, с. 18–19]. «Описания» обозначают признаки и свойства предметов в их абстракции от самих предметов. Поскольку они не встречаются в отрыве от предметов, постольку «описание» является «неполным символом» — ему не хватает указания «имени» того объекта, к которому оно относится.

Краткое содержание «теории описаний» объявляется Асеевым «одним из главных идейных источников неопозитивизма» [1, с. 20]. Вывод прост: значительная группа слов в языке (кроме имен собственных) не связана по своему значению непосредственно с действительностью. Здесь и намечается субъективно-идеалистическое решение семантической проблемы. Притом «теория описаний» имеет недостатки: логический порок ее — метафизическое противопоставление «имени» и «описания». Если не бывает признаков предмета, существующих независимо от предметов, то не бывает и предмета без признаков, о чем Рассел забывает [46, р. 69]. «Имена» и «описания» взаимно дополняют друг друга. Рассел вводит еще один принцип «знакомства», ошибочный в философском смысле. Предложение будет понято, если оно состоит из «имен» тех объектов, которые даны нам в непосредственном, чувственном опыте (совокупности единичных ощущений). Но чувственный «опыт» Рассел вслед за Юмом понимает не как отражение независимо от меня существующего мира, а как совокупность моих переживаний. Решить эту проблему, по Расселу, может только идеальный язык, составленный из «имен». Поскольку «имя» имеет в качестве своего значения не предмет объективного мира, а ощущение познающего субъекта, то «теория описаний» смыкается с субъективно-идеалистическим решением основного вопроса философии — таков вывод автора раздела. Дальнейшие представления о философии неопозитивизма Витгенштейна, Карнапа, Тарского, Рейхенбаха мы опустим, поскольку они в русле духа времени показывают «враждебность империалистической идеологии завоеваниям общечеловеческой культуры» [1, с. 36].

Еще одним источником восприятия философии Рассела служили ежемесячные критико-библиографические бюллетени по общественным наукам издательства «Иностранная литература». В 1959 г. на страницах бюллетеня Дм. Ермоленко представил «Мое философское развитие» (1959) [41] Рассела [9]. Автор рецензии благожелательно раскрывает вехи долгой жизни мыслителя: его интерес к вопросам защиты от религиозной веры побудил и страсть к философии, его взгляды вначале были схожими с дуализмом Декарта, затем концепциям Спинозы, а позднее — со взглядами французских философов XVIII в. [41, р. 35]. Во время учебы в Кембриджском университете он находился под влиянием своих учителей — кантианца Джемса Уорда, гегельянцев Стаута и Мак-Таггарта. Затем он, вместе с Муром, выступает против Канта и Гегеля, а в 1900 г. уже становится на позиции позитивистской философии: «...принимает философию логического атомизма и технику Пеано в математической логике» [41, р. 11].

Рецензент отметил «Математические принципы» (1903) и “Principia Mathematica”, цель которых была показать, что вся чистая математика вытекает из чисто логических посылок. Столкновение с логическими противоречиям ведет философа к поискам путей для дальнейшей реформации формальной логики. Не ограничиваясь ими, Рассел исследует широкие гносеологические

и онтологические проблемы в работах «Наше познание внешнего мира», «Анализ духа», «Исследование значения и истинности», «Человеческое познание, его сфера и границы», сборники «Логика и познание» и «Почему я не христианин». Эти работы указывает рецензент.

В своих философских воззрениях Рассел, по словам его биографа Алана Вуда, прошел путь «от Канта до Канта» [41, р. 262]. Сам мыслитель говорил, что его взгляды «менее кантианские, чем это следует из слов Алана Вуда», ибо он не рассматривает пространство и время в качестве субъективных форм. Рецензент пишет, что, как и другие позитивисты, Рассел подчеркивает, что его взгляды сформировались под влиянием физики, физиологии, психологии и математической логики [41, р. 16; 9, с. 31]. Притом «каждая подлинно философская проблема, — это проблема анализа» [41, р. 264]. Отличительная особенность творчества Рассела — его сохранение проблем онтологического плана, которые традиционно изгоняются позитивистами из философии как «метафизические». Вот почему в последнее время, отмечает рецензент, Рассел разошелся во многом с логическими позитивистами. Отмечается также влияние на философа концепций Витгенштейна и несогласие мыслителя с «формально-логической схоластикой» «новой философии» своего ученика.

Критикуя некоторых современных представителей логического позитивизма, Рассел одновременно дает острую критику такой формы позитивистской философии, как прагматизм, который теоретически ошибочен и социально вреден [41, р. 179]. В рецензии отмечается и критика Расселом солипсизма, и невозможность его опровергнуть [41, р. 104, 214, 245]. Рецензент сожалеет, что философ признает слабость формальной логики для решения многих проблем [41, р. 194], но не поднимается в своих решениях до уровня диалектической логики. При этом Рассел, отвергая феноменологическую теорию «чувственных данных», в то же время идет на серьезные уступки кантианству и таким путем приходит к разновидности «теории иероглифов». К недостаткам книги Ермоленко относит отсутствие отражения эволюции его политических взглядов, ибо в последние годы его деятельность направлена на борьбу за ядерное разоружение и предотвращение новой мировой войны [9, с. 33].

В этой же серии В. Малинин представил рецензию на книгу «Бертран Рассел раскрывает свой образ мышления» (1960, 173 р.) [15] — обработанную запись бесед между Б. Расселом и В. Юэттом (Би-би-си) на английском телевидении во второй половине 1960 г. Обсуждались вопросы о том, что такое философия, религия, война и пацифизм, коммунизм и капитализм, моральные запросы, власть, что такое счастье, национализм, роль личности, фанатизм и терпимость, водородная бомба, каково будущее человечества. Рецензент отмечает заслуги современного гуманиста, видного ученого, старейшины английской философии, убежденного сторонника мирного сосуществования стран с различным социальным строем [15, с. 37].

На вопрос «что такое философия» Рассел отвечает, что «наука есть то, что мы знаем, а философия есть то, что мы не знаем» Она обращает наше внимание на вещи, которые следует познать, да и наука не может сказать нам, что такое добро и что такое зло. Признавая ценность марксизма, Рассел считает, что «подлинный философ не тот, кто изменяет мир, а тот, кто понимает

его» [15, р. 14]. Свою собственную философию он определяет как логический атомизм, а логические атомы — это своего рода «идеи из которых построены вещи» [15, р. 18]. Вместе с тем Рассел скептически оценивает лингвистическую философию, экзистенциализм на континенте. Рассел не думает, что философия когда-нибудь будет играть большую роль, чем она играла у древних греков, ибо с достижениями науки будет уменьшаться значение философии. Вместе с тем он видит значение ее в современном мире в том, что она обращает внимание на целый ряд важных вопросов, которые наука игнорирует.

На вопрос о религии Рассел ответил, что христианский бог имеет не больше права на веру, чем боги Олимпа или Валгаллы. Притом влияние религии в истории «было вредным» [15, р. 25]. Мыслитель верит в общую систему этики, которая связана с политикой, а не с религией. Счастье стимулируется работой и приходит вместе с ней. По мнению Рассела, существует четыре наиболее важных стороны счастья: здоровье, счастливые личные отношения, отсутствие материальной нужды и успешная работа. Конечно, счастье зависит от социальной системы, которая представляет наибольшие возможности для развития личности. Он не думает, что «сохранение существующего социального порядка является существенным для личности» [15, р.136]. Не все, что считается свободой на Западе, является таковой [15, р. 100], поскольку «свободный мир... не свободен» [15, р. 52]. Рассел высмеивает утверждение империалистических пропагандистов, будто коммунизм является главной опасностью для «современной цивилизации». Книга, по мнению рецензента, «смело разоблачает многие предубеждения, предрассудки и ошибки традиционного буржуазного мышления» [15, с. 43].

Рецензия Е. Помогаевой на новое издание книги Рассела «Брак и мораль» [18, с. 46–52] не отличается особыми рассуждениями на эту тему. Сообщается, что по мнению Рассела, в настоящее время существуют две влиятельные школы мышления: одна исходит из экономических источников (школа Маркса), а другая из семейно-сексуальных (школа Фрейда). Для мыслителя эти школы выступают как равнодействующие факторы в истории общества. Рассел не допускает, что брак и семья как определенная форма социальных отношений в конечном счете определяются экономической структурой общества. Рассел тесно связывает половой вопрос и вопросы брака и семьи. Критикуя буржуазную мораль в этих вопросах, он считает, что необходимо устранить религиозные предрассудки и принять во внимание новые факторы. Он рассматривает исторические формы брака и семьи, влияние на них язычества, христианства. Со знанием дела он раскрывает семейно-брачные отношения в феодальном обществе, хотя видно отсутствие классового подхода и некоторая абстрактность. «В современном мире... любовь имеет более опасного врага, чем религия. Этим врагом является евангелие бизнеса и экономический успех», — пишет Рассел. В итоге буржуазная мораль сводит счастье человека к сексу и преувеличивает его роль в жизни. Чтобы общество двигалось вперед, необходима новая мораль, которая, по Расселу, должна отвечать следующим требованиям: серьезная и глубокая любовь между мужчиной и женщиной, максимальная забота о детях; мораль не должна базироваться на страхе; требуется обуздание инстинкта и самоконтроль. Основую счастья являются полное

равенство, личная свобода и взаимное уважение между членами общества. Так видится мораль для всех классов без изменения буржуазной системы. Но чтобы не было войны, стоит воспитывать молодежь в духе равенства и установить международное правительство, которое установит международный контроль над деторождением, воспитанием и выполнением установленных моральных норм во всем мире. Так уживаются в сочинении гуманиста критика буржуазной морали и надежда на прогресс общества.

В сентябрьском номере «Новых книг за рубежом» (1964) дается краткая справка о книге Лириан Эйкен «Философия морали Бертрانا Рассела» (New York: The Humanities Press, 1953), в которой дается общая характеристика концепций, которых придерживался мыслитель, — интуиционизма, эмотивизма и натурализма. Точка зрения Рассела предполагает признание безличного и объективного элемента в этических суждениях.

Можно отметить, что отечественная философская литература вначале опиралась на упрощенное понимание логического позитивизма (логического эмпиризма, неопозитивизма, научного эмпиризма, логики науки, философии науки, аналитической философии и др.) и его идейные истоки. Исходили из того, что Венский кружок М. Шлика воспринял «Трактат» как следование логическим схемам Рассела и Уайтхеда. В. С. Швырев так и писал:

Специфика логического позитивизма Венского кружка состоит в соединении позитивистской философии с методом формально-логического анализа знания. <...> Этим логический позитивизм *в наибольшей мере* обязан идеям «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна [33, с. 9].

Первая глава в этой работе имеет заглавие «Доктрина Рассела — Витгенштейна — основа воззрений Венского кружка». На самом деле история Венского кружка и научного эмпиризма — это более сложная и интересная история [12].

Заметим, что благодаря настойчивым просьбам Шлика, летом 1927 г. Витгенштейн встречался с избранной частью кружка (Вайсман, Фейгль, Карнап), но в результате стало ясно, что Витгенштейн не является логическим позитивистом, а его установки во многом противоположны их положениям. Все отношения завершились обвинениями Витгенштейна в плагиате Шлика и Р. Карнапа после публикации Р. Карнапом статьи «Физикалистский язык как универсальный язык науки» (1932).

В 1961 г. на русском языке публикуется работа английского философа и социолога Э. Геллнера «Слова и вещи» [4], предисловие к которой написал Б. Рассел. Она еще раз соединила Витгенштейна, Рассела и философию эмпиризма. Геллнер критикует Оксфордскую школу лингвистической философии. Рассел с этим согласен, поскольку «Геллнер обвиняет общество и лингвистическую философию в “беспощадной тривиальности”», и пишет во «Введении»:

Трудно заранее предугадать непосредственную реакцию, которую вызовет появление данной книги; сила моды велика, и даже самые неоспоримые аргументы оказываются неубедительными, если они не согласуются с ходячим мнением [4, с. 25].

В основе лингвистической философии лежит точка зрения, время от времени проявляющаяся в истории философии и теологии.

Наиболее логически и в наиболее полной форме она выступала у сторонников абеседарианской ереси. Эти еретики утверждали, что все человеческое знание есть зло, и поскольку оно основано на алфавите, то ошибочно даже учить азбуку [4, с. 27].

Так и лингвистическая философия заботится только о языке, а не о мире.

Э. Геллнер описывает логический атомизм Витгенштейна [4, с. 95–105] и считает, что критика Абсолюта Расселом способствует воскрешению атомизма, который «почти неизбежно предполагает эмпиризм». Так, через восстановление реалистического мировоззрения и эмпиризма, «логический атомизм был стимулирован определенными успехами в логике» и новой точкой зрения на статус логики и математики [4, с. 98]. Трудности логического атомизма, по Геллнеру, состоят в том, что возможны ошибочные аналогии, связаны с нахождением и опознанием атомов. И, наконец, где в схеме логического атомизма можно найти уголок для человеческого мира ценностей, для этики, эстетики, религии и т. д. [4, с. 104]? Кроме того, Геллнер говорит о радикальном эмпиризме логического позитивизма, хотя дедуцируемое учение ближе релятивизации, субъективизации достоверности [4, с. 106–110].

Естественно предположить, что эти оценки были восприняты и отечественными авторами. К тому же А. А. Френкель и И. Бар-Хиллел в [29] дали свои оценки логицизму. Да, обычно его считают одной из разновидностей платонизма, «однако сам Рассел на протяжении своей семидесятилетней деятельности не раз высказывал идеи, носящие концептуалистский и даже номиналистический характер» [29, с. 404]. Разветвленная теория типов имеет явственный концептуалистический привкус; что же касается аксиомы сводимости, то она, конечно, является платонистской. Бесклассовую теорию Рассела многие расценили как чисто номиналистическую, продолжающую традиции бритвы Оккама. Хотя это было явным недоразумением, отчасти связанным с употреблением Расселом термина «пропозициональная функция» в значении «открытая формула» и в то же время — «атрибут». Фактически Рассел показал, как можно обойтись без употребления классов, заменив их «пропозициональными функциями», но эти функции были не чем иным, как атрибутами (свойствами или отношениями), т. е. по меньшей мере такими же «универсалиями», какими являлись сами классы. Рассел отдавал себе отчет в двусмысленности этого своего словоупотребления, но заблуждался, полагая, что оно имеет чисто языковую природу.

Уже в 1971 г. Г. И. Заиченко в работе о критике современного английского позитивизма [11] отмечает, что «сочетание резко усилившейся дробности, плюрализации философских школ и школок» ведет к попыткам «синкретически объединить разнородные элементы однотипных и разных школ в некоторую видимость целостных, «интегративный учений» [11, с. 5]. Гносеологический источник плюрализма современных философских направлений во многом определяется развитием самой философской проблематики, усложнением и дифференциацией философской теории. «Ранний» Рассел и «ранний» Витгенштейн были основой раннего неопозитивизма.

Особо заметим, что Заиченко раскрыл особенности английского эмпиризма, своеобразие восходящих к Локку его направлений, и проблему скептицизма. Беркли, Толанд и Гартли вышли из Локка. Рассел так обработал Локка «под Юма», что Беркли аттестуется у Рассела как «последователь Локка» [20,

с. 624]. Скептицизм так разнообразен содержанием, что под этим названием существовали враждебные направления, ибо мера сомнений и их порождения различны. Философский скептицизм и состоит не в абстрактном ограничении познавательных способностей человека, а в сомнениях в них. Парадокс еще и в том, что самая «нищая» в определении богатства мира философия — «мир как комбинация ощущений» — не может быть определена ни как скептическая, ни как агностицистская. Логика здесь есть. Если все богатство мира определяется ощущениями субъекта, там нет гипертрофии сомнений в познавательных способностях человека [11, с. 14–17].

Рассел в период логического атомизма выдвинул ряд важных общеметодологических положений о природе человеческого знания. Одним из них является тезис о логико-языковой детерминации содержания человеческого знания, в т. ч. и философского знания. Отчасти он следовал идеям Лейбница, отчасти развивал идеи Фреге, но и то и другое самобытийно. Для Рассела вопрос о мере законности влияния языка на философию — это частный вопрос о взаимоотношении и взаимообусловленности логико-языковых и внеязыковых факторов детерминации знания [38, р. 330]. Заслуга Рассела состояла в том, что он поставил вопрос об особенности корреляции языка и логики в обыденном и научном знании, но и подчеркнул необходимость исследования влияния логико-языкового аспекта знаний на выражение определенной онтологической картины мира. Вывод в этом случае естественный — различие языков может означать категориальные различия, и использование логического языка с субъектными и предикатными знаками представляет возможность выражать структурно-онтологическое членение мира на субстанцию и атрибуты. Акцент Рассела на необходимости осознания качественно своеобразной специфики языка новой математической логики — не самоцель, а лишь способ подчеркнуть возможности новых категориальных различий, которые могут быть выражены средствами этого языка [11, с. 29, 30]. При этом «абсолютный метафизический агностицизм несовместим с использованием языковых суждений» [22, с. 394].

Заиченко указывает, что идеи плюралистической онтологии (мир как совокупность атомарных фактов) и фундаментальной роли отношений в картине мира были у Рассела одним из конкретных следствий попытки реализовать указанный подход к оценке языка и его роли в познании мира. Но в философии логического атомизма Рассела переплелись противоречащие друг другу стороны (оправдавший себя в научной практике метод логического анализа берклианско-юмистское решение вопроса о чувственной природе мира и др.), в нее проникает объективный момент:

...сложность факта не может быть чем-то просто психологическим... [сложность] есть род подлинно объективной сложности и поэтому необходимо в соответствии упорядоченной процедуре начинать со сложности мира и достигать сложности утверждения [38, р. 196].

Если говорить о неких чувственных формах знания, то любая теоретико-познавательная доктрина без опоры на них лишает себя адекватности реальному процессу познания. Однако нельзя пройти мимо расселовской теории (познания) редуктивного анализа и логических конструкций, которая связана

с замыслом проникновения в логический механизм построения знания. И хоть логические средства и гносеологические установки Рассела были ограничены, он стал одним из первых в создании логико-конструктивной модели теоретического знания, которую он сам и ввел в литературу по логико-методологическим вопросам науки. В то время как лингвистические позитивисты в большинстве своем весьма равнодушны к идее синтеза философии и научного знания и пытаются представить теоретические неудачи Рассела как плод сциентизма философской проблематики, следует отметить его заслуги в постановке важных логико-философских и философских проблем. Та же теория дескрипций использовалась Расселом для реализации логико-философской программы, в которой наряду с позитивистскими содержались и вполне оправданные цели: уточнение понятий языка средствами логики, обогащение его новыми, не обыденными, а логически обоснованными терминами, словами.

Так логико-гносеологический крен анализа работ Рассела стал пробивать дорогу, а взвешенная оценка всего вклада мыслителя в многообразные области философского знания стала нормой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев Ю. А., Кон И. С. Основные направления буржуазной философии и социологии XX века. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. — 108 с.
2. Вейль Г. О. О философии математики. — М.: Гостехиздат, 1934.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. — М.: Иностранная лит-ра, 1958. — 134 с.
4. Геллнер Э. Слова и вещи. — М., 1962.
5. Гетманова А. Д. О взглядах Бертрана Рассела на соотношение математики и логики // Вестник МГУ. — 1959. — № 11.
6. Герасимов Г. Две книги Б. Рассела // Новый мир. — 1962. — № 10. — С. 29–31.
7. Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. — М.: Иностранная лит-ра, 1947.
8. Гильберт Д. Основания геометрии. — М.; Л.: Гостехиздат, 1948.
9. Ермоленко Д. [Рец.:] Рассел Б. Мое философское развитие. 1959 // Критико-библиографический бюллетень по общественным наукам. — 1959. — № 10, окт. — С. 29–33.
10. Жигалов И. И. Прогрессивные силы Великобритании в борьбе за разоружение и мир. 1956–1964. — М.: Наука, 1965.
11. Заиченко Г. И. К вопросу о критике современного английского позитивизма. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1971.
12. Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. — М.: Идея-Пресс, 2004.
13. Л. Витгенштейн: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, примеч., научн. ред. С. В. Никоненко. — СПб.: РХГА, 2019. — 1056 с.
14. Малинин В. [Рец.:] Рассел Б. Мудрость Запада. — С. 39–43.
15. Малинин В. [Рец.:] Бертран Рассел раскрывает свой образ мышления. 1961 // Критико-библиографический бюллетень по общественным наукам. — М., 1962. — С. 37–43.
16. Нарский И. С. Современный позитивизм. Критические очерки. — М.: АН СССР, 1961. — 414 с.

17. Перегудов С. П. Антивоенное движение в Англии и лейбористская партия. 1957–1968. — М.: Наука, 1969.

18. Помогаева Е. Рецензия на новое издание книги Б. Рассела «Брак и мораль» (1961. 158 р.) // Критико-библиографический бюллетень по общественным наукам. — М., 1962. — С. 46–52.

19. Рассел Б. Исследование значения и истины. — М., 1999.

20. Рассел Б. История западной философии. — М.: Иностранная лит-ра, 1959.

21. Рассел Б. Проблемы философии. — СПб.: Изд-во П. П. Сойкина, 1914.

22. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. — М.: Иностранная лит-ра, 1957. — 556 с.

23. Рубинштейн С. Л. Философия и психология // Вопросы философии. — 1957. — № 1. — С. 121–126.

24. Серрюс Ш. Опыт исследования значения логики. — М.: Иностранная лит-ра, 1948.

25. Современный субъективный идеализм. Критические очерки. — М.: АН СССР, Гос. изд-во политической лит-ры, 1957.

26. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. — М.: Иностранная лит-ра, 1948.

27. Трофимов П., Помогаева Е. Фальсификация истории философии // Большевик. — 1948. — № 11. — С. 71–78.

28. Уайтхед А. Н. Введение в математику. — Пг.: Физика, 1916.

29. Френкель А. А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. — М.: Мир, 1966.

30. Френкел Г. Злоключение идей. Критика философии Уайтхеда / ред. и предисл. Е. Ф. Помогаевой. — М.: Иностранная лит-ра, 1959.

31. Харди Г. Х. Курс чистой математики. — М.: Гос. изд-во иностранной лит-ры, 1949.

32. Хаусдорф Ф. Теория множеств. — М.; Л.: Гостехиздат, 1937.

33. Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. — М.: Наука, 1966.

34. Яковлев А. А. Назначение философа // Вопросы философии. — 1988. — № 5. — С. 125–136.

35. Carnap R. Der Logische Aufbau der Welt. — Berlin, 1928.

36. Passmore J. A hundred years of philosophy. — London, 1957.

37. Russell B. A History of Western Philosophy. — London, 1946. — 848 p.

38. Russell B. An Inquiry into Meaning and Truth. — London, 1940. — 368 p.

39. Russell B. An Outline of Philosophy. — London, 1927, — 264 p.

40. Russell B. Logic and Knowledge. — 1957. — 400 p.

41. Russell B. My Philosophical development. — London, 1959. — 279 p.

42. Russell B. Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy. — Chicago; London, 1914. — 256 p.

43. Russell B. Problems of Philosophy. — London: Williams and Norgate, 1912.

44. Russell B. The Analysis of Matter. — London, 1924. — 424 p.

45. Russell B. The Analysis of Mind. — London: George Allen & Unwin, 1921. — 328 p.

46. Russell B. The Principles of Mathematics. — Cambridge, 1903. — 576 p.

47. Russell B. Wisdom of the West. — London, 1959.

48. Russell B., Whitehead N. H. Principia Mathematica. — Cambridge: Cambridge University Press, 1910. — Vol. 1.